

Хульчаева Марьям Хажидаутовна

НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ В ЛИРИКЕ КЕРИМА ОТАРОВА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с так называемой "поэзией скорби", в которой нашли место не только беды и страдания балкарцев в годы депортации, но все их чаяния и надежды. В работе делается попытка проанализировать произведения известного балкарского поэта К. Отарова, выявляется, что творческая индивидуальность автора связана с характером и психологией своего этноса, который четко выработал свое мировидение, менталитет, особый взгляд на окружающую среду, людей, без которых невозможно в полной мере понять художественное своеобразие поэта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 53-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

придется тебе искать меня <...> Ушла она, спросив разрешения у отца. Прошли года, эта девушка, пожелтев, превратилась уже в бабушку» («...мин китэм инде, сау бул, ди. Үләсең килмәсә, мине эләрсең, ди. Бармак калынлыгы тимер таяк ясат, аягыңа тимер башмак ясат, аның табаны бармак калынлыгы булсын. Мине тапкан вакытта, шул башмагың ышкыла-ышкыла агач яфрагы калынлыгы гына калыр, ди. Таягың, сызып, кулыңда энә хәтле генә калыр, шул гомерләр эзлисең бар әле мине <...> Атасыннан рөхсәт сорап чыгып ките кыз. Озак еллар үтте, бу кыз саргаеп карчык кыяфәтенә керде») [Там же, б. 126]. В момент, когда девушка превращается в старушку, события, не связанные с ней, сохраняются в статистическом состоянии. Создается особенное вакуумное пространство: старушка, которая в начале сказки показала дорогу отцу девушки, до сих пор жива, и живет она в доме внутри леса. Она отправляет девушку в сад снова по той дороге, по которой шел ее отец – структура пространства замыкается в одной точке, но это еще не конец. В конце сказки наблюдаем интересное явление – ход событий в пространстве происходит в обратном направлении: «Разок дунул на сморщенную, сгорбленную старушку и та превратилась в восемнадцатилетнюю девушку» («Бөрешкән, бөкрәйгән карчыкка бер өргән иде, унсигез яшьлек кыз кебек булып китте») [Там же, б. 127].

Обобщив особенности представлений пространства, мы определенно видим, что для татарских народных сказок не существует универсальной модели пространства, описываемая картина мира в сказках разнообразна. Каждой сказке свойственно развитие действий в индивидуальном пространстве.

Немаловажную роль играет и то, что в татарских народных сказках взаимосвязи границ пространства формируются помимо того мира, где живет герой, еще на пути его путешествия. Особенности локуса формируются в результате движений героя сказки и его оппонентов – персонажей, которые владеют волшебством.

Список литературы

1. **Татар халык ижаты. Әкиятләр (беренче китап).** Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. 407 б.

REPRESENTATION OF SPACE IN TATAR FOLKTALES

Fuzulzyanova Liliya Gusmanovna

*Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
fuz.liliya@mail.ru*

The article deals with the space of Tatar folktales, namely, the peculiarities of space representation in the works of the folk genre. The author emphasizes that movement (the course of events) is exposed to the resistance of the surrounding environment. Particular stress is laid on obstacles, which result in the change of the static state of the fairy tale space. The paper explores the relationship of space boundaries in fairy tales: the character's transfer to a strange, different world. The author analyzes all the events that occur in the structure of space.

Key words and phrases: space; fairy tale space; system of space; Tatar folktales; characters of fairy tales.

УДК 82/821.35.0

В статье рассматриваются вопросы, связанные с так называемой «поэзией скорби», в которой нашли место не только беды и страдания балкарцев в годы депортации, но все их чаяния и надежды. В работе делается попытка проанализировать произведения известного балкарского поэта К. Отарова, выявляется, что творческая индивидуальность автора связана с характером и психологией своего этноса, который четко выработал свое мировидение, менталитет, особый взгляд на окружающую среду, людей, без которых невозможно в полной мере понять художественное своеобразие поэта.

Ключевые слова и фразы: балкарская литература; образ; лирика; поэзия скорби; художественное мировидение.

Хульчаева Марьям Хажидаутовна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
mkhulchaeva@mail.ru*

НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ В ЛИРИКЕ КЕРИМА ОТАРОВА

Основные темы трагедии в балкарской литературе и, в частности, поэзии Керима Отарова [3], – Великая Отечественная война и депортация северокавказцев – преломляются как испытание нравственной чистоты человека, его стойкости и мужества на путях борьбы за Отечество и верности высоким идеалам, через которую открывается более глубокая, этическая природа человека – стойкость и совесть.

К этой проблеме обращались почти все представители балкарской литературы старшего поколения. Но первично художественное преломление темы депортации балкарского народа принадлежит Кериму Отарову. Эта особенность наиболее четко просматривается в его творчестве.

В произведении трагического содержания человек не может быть пассивным объектом по отношению к тем силам, которые пытаются свершить насилие, стремясь покорить его или уничтожить все то, что ему дорого и близко.

Депортация, как и война, в семье балкарцев пришла неожиданно, больно ударив каждого из них. В моменты же острого ощущения боли или аффектного состояния человек теряет способность спокойно рассуждать и спокойно выражать свое отношение к тому или иному явлению.

«Пламя войны <...> уничтожает вековые ценности народа, его культуру, бытовые устои и по большому счету меняет характеры и мировоззрение людей...» [5, с. 316].

Будучи не в состоянии трезво оценить случившееся, Керим Отаров оказывается в плену поверхностных эмоций и дает событию столь же поверхностную оценку. Так случалось даже с талантливыми поэтами в годы Великой Отечественной войны. Но изгнание северокавказцев с Родины принесло им значительно больше горя, чем война с немецкими оккупантами, ведь по отношению к балкарцам насилие применялось теми же солдатами, с которыми сыновья северокавказских народов защищали независимость СССР. Неожиданно пришедшая трагедия становилась еще более тягостной от того, что у людей не было представления о причинах подобной жестокости со стороны государства, которому они служили верой и правдой. Незнание причин зла и беды, внезапно пришедших в дома балкарцев, первоначально породило множество поверхностно-эмоциональных стихотворений с потоком недоуменных вопросов.

«Единственным адресатом поэтических произведений той поры является душа человека...» [1, с. 90].

Не случайно одно из произведений К. Отарова называется «Горький вопрос» [3, с. 326]. В стихотворении же «Плакало небо» поэт пишет: «Нет, мы не понимали, // Отчего украдено наше счастье, // Будто годовалая овца. // Отчего так внезапно, словно скала, // Свалилось на наш народ, оборвав его дорогу» [Там же, с. 289] (*здесь и далее подстрочный перевод автора статьи*).

Естественно, что К. Отаров не сразу нашел необходимые средства для характеристики трагедии депортации народа, потому во многих стихотворениях доминируют стертые или абстрактные образы, продиктованные состоянием гнева, аффекта.

«Человек, перенесший потерю детей и родных, не в силах перенести потерю самого ценного – Родины» [5, с. 317].

«Для него трагедия выселения народа – это обвал, погребший народ под собой, или снежная лавина, неожиданно в пути накрывшая путников. Также трагедия сравнивается с огнем, который сжег народное счастье до дна, с пожаром, от которого матери кинулись спасать своих детей в колыбелях» [1, с. 118].

В частности, в начале депортацию народа поэт характеризует системой образов типа: «черное горе», «хищническое решение», «снежная лавина». Подобные художественные средства выражения соседствуют с системой образов другого порядка, но такими же абстрактными и общими: «счастье, словно овца, украдено», «во дворах ржет конь несправедливости», «от горя лошади дрожат, словно больны малярией». К. Отаров часто обращается и к приему олицетворения: «земля застонала, словно старец», «весеннее утро почернело, как осенний вечер», «земля зарыдала», «грустные горы», «заплакало небо», «почернели каспийские степи», «печально небо»... Такие средства изображения и выражения не являются специфичными для таланта К. Отарова: они встречаются в поэзии всех северокавказских поэтов. Когда же внезапно обрушившееся горе было осознано и стабилизировалось внутреннее состояние поэта, стихи-проклятия и ругани отошли на задний план.

К. Отаров – один из тех поэтов, кто сумел быстро преодолеть поверхностно-эмоциональное состояние и начал создавать произведения, направленные на осмысление причин трагедии, ее виновников. Поэт не скрывал своего отношения к сталинизму, считая его виной всех бед северокавказских народов.

Для многих стихотворений К. Отарова характерны четкие, резкие фразы, слово-жест, решительный и категорический, почти оголенная точность формулировок-выводов. Ведь боль и страдание балкарскому народу причиняли те люди, которым верили все, начиная от детишек и кончая старцами аулов. Об этом невозможно было бы говорить тихо, вкрадливо или умеренно-задушевым шепотом. Обнаженное, страстное, часто и метафорой не защищенное слово было продиктовано тем злом, которое творили красноармейцы по отношению к родителям и детям кого они не могли не знать как братьев по оружию.

Поэт понимал, что вооруженные люди, демонстрировавшие жестокость, были всего лишь орудием насилия, и все же воспринимает их деяния через призму нравственно-этического идеала.

«Керим Отаров был в центре темы всегда, он, наедине с собой, осуществлял заказ народа <...> Литературе о выселении нужна была подлинная рукопись того периода как доказательство непрерывного существования литературы...» [2, с. 74].

Каждый человек, будь он даже полностью зависим от государственного режима, не лишен возможности нравственного выбора. В исторические моменты жизни, когда проверяется достоинство личности, никакие постановления сверху не могут оправдать жестокость с ее стороны. Эта правда, что государственная машина вершит черные дела руками своих граждан, но ведь у каждого есть выбор сохранить человеческое лицо.

Народы Северного Кавказа пострадали не только от того, что их депортировали в среднюю Азию, но более всего от того, что их физически уничтожали ради уничтожения, главным образом детей и стариков. Однако можно ли считать, что здесь вина полностью на совести тех, кто стоял у руля власти, и разве исполнители не ответственные за свои деяния? Подобный вопрос является сквозным всей лирики К. Отарова, посвященной трагедии балкарского народа 1940-х годов. Людей, проявивших чрезмерное усердие в исполнении предписаний, поэт воспринимал как некую фантазмагорию, не находя им объяснения, показывал их конкретные

поступки, которые сами говорили за себя: «Они (солдаты) забивали // Двери теплушек длинными гвоздями, // Словно запирали нас навечно, // Как строги и бдительны они, // Были, охраняя нас» [3, с. 163].

Лирика К. Отарова о трагедии северокавказских народов проникнута размышлениями об уродливом в людях, об их психологии. Поэт показывает их как подлецов с благородными лицами, прикрывающими свои черные дела красным флагом той страны, которая их взрастила и наделила определенными правами.

В этом отношении интересны своей драматической остротой стихи, посвященные комендантам: «Разговор с конем» [Там же, с. 224], «Таулу бла комендант» [Там же, с. 329], «Комендант» [Там же, с. 317], «Лошадь со сбитой холкой» [Там же, с. 254] и другие. Действующими лицами подобных произведений К. Отарова обычно выступают комендант и кавказец, лишенный Отечества и очага. Один из них, проявляя жестокость, символизирует государственное зло, другой – его бесправный узник. Правители страны, естественно, не давали комендантам никаких прямых указаний о том, как надлежит себя вести со спецпереселенцами. Если они зверствовали, то это их личная бесчувственность. Однако какова нравственная позиция той государственной системы, которая терпеливо относилась к чиновникам, доверяла им судьбы пострадавших народов и материально вознаграждала их безрассудство? В поисках ответа на свой вопрос Керим Отаров вновь и вновь обращался к моральному облику комендантов и, разоблачая их, поэт развенчивал, прежде всего, эпоху сталинизма и бериевщину. Именно они сделали из людей цепных псов, нравственных уродов: «К коменданту пришел балкарец и сказал: // – В Оше умирает моя мать, выдайте пропуск туда, – просил он. // – Приходи через месяц, – сказал комендант. // Ходил балкарец к коменданту из месяца в месяц. // Наконец пришел он через год: // – Как, – удивился комендант, – она еще жива? И, схватившись за живот, долго хохотал» [Там же, с. 329]...

Составными чертами внутреннего мира человека являются культурно-духовный пласт и животное начало. Личность остается таковой постольку, поскольку ее духовность преобладает над вторым. Но бюрократическая машина эпохи сталинизма отличалась тем, что в исполнителях своих предписаний она подавляла духовность и будила стихийно-бесконтрольное начало. Депортированные народы больше страдали от агрессии таких чиновников, нежели по причине материального недостатка.

Деспотизм ставленников режима лишал депортированных северокавказцев всего того, чем определяются нормальные условия жизни: покоя, сна, чувства собственного достоинства, уюта и общения. Не случайно в стихотворениях поэта слово «хаджи», связанное с религиозным саном, приобретает иное, парадоксальное (ироническое) значение в том смысле, что «хаджи» поклонялись пророкам, теперь же они вынуждены в один месяц дважды поклоняться комендантам: «Опоздаешь на одну минуту – строгое наказание, // Поэтому мы ночами не спим, // Забыв дом и работу, // Ежедневно спешим в комендатуру» [Там же, с. 317].

В подобных произведениях меняется лексика, микрообразная система, привычные образы приобретают иной, противоположный смысл, а широко известный читателю символ «дороги» К. Отарова становится плюсным по отношению к своему прежнему смыслу и означает «бездорожье», «застой», «замкнутость пространства» и т.д. Достаточно убедительно в этом плане, например, стихотворение «Словно вой волка» («Берю улууча»), главная мысль которого материализуется в системе образов: «дороги короткие, ночи – длинные», жизнь – это «горький сон», «силки», «разрушенный дом», герой же – «узник в нем» [Там же, с. 322]. Своё дыхание К. Отаров в данном стихотворении сравнивает с «волчьим воем», но в атмосфере «пустоты» и «бездорожья» никто его не слышит.

Образы «бездорожья», «пустоты» и «замкнутости» будут встречаться у К. Отарова и в дальнейшем, символизируя «отсутствие жизни», «движения», политических прав репрессированных народов.

Чиновникам К. Отаров посвятил много стихотворений. Но здесь поэт стремится не просто к избалованному пафосу – его мысль глубже и шире. К. Отаров всегда был склонен к размышлению о нравственности и безнравственности человека, об истоках, толкающих его к беспределу. Как отмечено выше, духовный мир личности формируется в определенной социальной и национальной среде, но зачастую идеология оказывается сильнее национальных и общественных традиций, и иные люди добровольно замыкают себя предписаниями законов: так удобнее и легче жить. Если человек совершит недостойное относительно окружающих, закон его не станет преследовать. Но ведь законы базируются на нравственности, законодатели не отделяют их от норм человеческого поведения. Даже самая реакционная идеология прикрывается моральными ценностями и никого не вынуждает вершить бесправие. Более того, долг личности очеловечить обстоятельства и законы.

«Художественное мировидение любого народа зиждется на его традициях и образе жизни, а также на его высоких устремлениях. Фольклор, художественное мировосприятие, традиция – это детали одного платья, при отсутствии одной из них одеяние становится неполным» [5, с. 54].

Исходя из этой нравственной позиции, К. Отаров вину за нарушения общественных норм жизни усматривает не столько в государственном режиме и его предписаниях, сколько в самом человеке.

Лирика К. Отарова, посвященная трагедии северокавказцев, раскрывается новым качеством – она становится философски неторопливой, мудрой в своей простоте. Поэт размышляет о том, что помогает человеку остаться самим собой, о пережитом народом, оказавшемся вдали от родной земли, о свободе и несвободе, по-новому осмысляет проблему человек-природа; о том, что значит для человека Родина, родной очаг. Но притом новое качество не увело поэта в область абстракций, в область расплывчатых образов-символов, иносказаний, параллелизмов, намеков и т.п. К. Отаров, как и в 1930-е, и военные годы, «материален», очень активен в своем обращении к бытовым реалиям, поэтически прост и ясен, только простота и ясность материи его стиха обретают глубокую жизненную мудрость, широту и философичность, обусловленную большими испытаниями, выпавшими на долю балкарского народа. С другой стороны, в стихах К. Отарова

усиливается роль повествовательной интонации, психологический конфликт, столкновение контрастных образов и парадоксальных ситуаций. Например, стихотворение «Корова чеченца» [3, с. 226] отличается тем, что оно изобразительно-выразительно, более того, сюжетно.

Лирический герой К. Отарова очень жизнедеятелен, политически активен, это человек больших чувств, с нежной и широкой душой, открытой навстречу не только прекрасному, но страдающей от осознания своей беспомощности перед социальным злом и бездуховностью времени. Потому многие стихотворения поэта базируются на острых «видимых» конфликтах, открыто выражающих столкновения, несовместимость мира добра и тех условий, в которых оказались народы Северного Кавказа. С другой стороны, моральный кодекс лирического героя подан с такой убеждающей страстью, что она воспринимается как жесткая внутренняя полемика с противоположным, обывательским и политически несовместимым взглядом на нравственность человека. Вместе с тем лирика К. Отарова сдержанна в выражении чувств, более того, во многих его произведениях чувство лирического героя не выражается непосредственно открыто. Этой цели служит логически последовательное развертывание сюжета, конкретные материальные вещи, явления природы, события, это размышления о том, что было, и о настоящей бытовой жизни переселенцев.

Керим Отаров понимал, что восстановить свою сущность как человека, как разумной частицы Вселенной и свое место в пространстве можно лишь вернув народу социально-историческую и политическую справедливость. Но для этого необходимо было найти объяснения тому, что случилось с северокавказскими народами, найти причины их страданий, вину индивидуальную и общенародную. Но поэт не находил причины и вины общенациональной трагедии. Однако осознание невинности народа, чье место в пространстве было насильственно отнято, нередко приводит поэта в аффектное состояние, что находит выход в потоке эмоциональных вопросов или же в средствах публицистики: «Ветры! У вас не спрашивают наличие документов, // Не спрашивают, какой вы нации» [Там же, с. 284]. Или: «Нет! От злости сказал я так... // Судьба, услышь меня! // Я человек, человек Я...» [Там же].

Материя стихотворений К. Отарова многослойна, обусловлена многоплановостью внутреннего состояния лирического героя. В одном и том же произведении он бывает сдержан, эпически спокоен и терпелив. Но это состояние, в зависимости от обстоятельств, быстро суживается, становясь аффектно-гневым, оно же трансформируется в крик души, трансформируя и движение системы изобразительно-выразительных средств произведения. Затем все это может перейти на качественно новый уровень образности, в едином ряду которой оказываются и скопления глаголов, риторических вопросов, и целый поток динамических сравнений, передающих попытку лирического героя пережить несчастье и его неверие в конечность общенародной беды: «Облака плывут, словно раздумья, // И реки бегут, как кони-глашатаи, // Как звезды, далеки наши мечты, // И сердца наши печальны, как у пленников» [Там же, с. 304].

В лирике К. Отарова, посвященной трагедии северокавказцев, преобладают мотивы лжи, насилия, несправедливости, клеветы, неволи как искажение мира правды, добра и свободы. В этом мире разорваны связи внутри народа и между народами, а каждая индивидуальность оторвана от общего и предстает одинокой.

«Выселение народа с родных мест воспринимается не просто как изгнание их с исторических мест проживания, но и не что иное, как попирание красоты и чистоты грубой силы. Между тем красота и чистота являются основой общественной жизни, государственного строя. Попирать духовные ценности равносильно самоубийству» [4, с. 308].

Список литературы

1. Берберов Б. А. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943-2000 гг.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 215 с.
2. Кулиев К. Ш. Раненый камень: Книга стихов. Нальчик: Каб.-Балк. кн.изд-во, 1965. 288 с.
3. Отаров К. С. Избранные произведения: в 2-х т. Нальчик: Эльбрус, 2012. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1934-1955. 512 с.
4. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 808 с.
5. Тимижев Х. Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 360 с.

MORAL IDEALS IN KERIM OTAROV'S LYRICS

Khul'chaeva Mar'yam Khazhidautovna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkarian State University
mkhulchaeva@mail.ru

The article deals with the issues related to the so-called “poetry of sorrow”, where not only troubles and sufferings of the Balkars during the deportation years but also all their hopes and aspirations can be found. The author makes an attempt to analyze the works of the famous Balkar poet K. Otarov, and identifies that the creative personality of the poet is associated with the character and psychology of his ethnic group that has clearly developed its world view, mentality, special opinion on environment, people, without which it is impossible to understand the artistic originality of the poet to the full extent.

Key words and phrases: Balkar literature; image; lyrics; poetry of sorrow; artistic world outlook.